

Мне приснился сон. О том, что в четверг 13-го в зрительном зале театра «Новая опера» выпал снег. Снегом завалило весь пол, все стулья и кресла. Сон был прекрасен. Добрые олигархи, молчаливые поп-звезды, все в смокингах, загадочно улыбались и садились прямо в сугробы. Вдруг подул сильный до урагана ветер, заложило до гробовой тишины уши музыкой. Охватил ужас в ожидании предстоящего.

Но загорелся свет, и мелкими медитативными шажками театра кабуки вышел клоун в желтом безразмерном балахоне и красных домашних тапочках. Веревка в его руках свернулась висельной петлей, обернулась портретной рамкой. Четками. Поводком, скалкой, канатом горного альпиниста, за который вытянулся друг — один из придурков в шапке с вертолетными лопастями шапных ушей и лыжами башмаков. Это надо было обдумать. На нежно повышенных, докатывающихся до галерки тонах, на котурнах интонаций они не постеснялись при нас педалировать наши же базары. В полунинском варианте базар восхитил, и захотелось придумать новый, чтоб был предмет для этой желанной будущей беседы без переводчика, где все понятно друг другу до доньшка, и божественный напиток слов-не слов, жестов и поз не обжигает язык голодного до доброты зрителя, а лечит его сердце.

Драматический актер пантомимы подобен античной статуе, меняющей позы под тесным колпаком. В этой сжатой пружине — сила пущенной из тугого лука стрелы, сила мощной, управляемой и очень доброй стихии. Это и

сила личного спокойствия, источник которого — в Елене Ушаковой, жене Славы Полунина, оставшейся с ним во всех печалях и радостях, кибитках и каютах, парижках, лондонах, гастролях, на сцене и дома. Это и сила молодости и таланта мимов разных стран, выступающих с Полуниним в этот раз. «Лицедеев» нет, но есть другие лицедои.

Мне приснилось, что нет никакого постмодернизма, а есть только первородность чувств, античная чистота эмоций. Касание подсвеченного шара тонкими пальцами в

жестуальных девушек. И полный мировой консенсус.

Бравурный марш. В клубах пара выплывает корабль под парусом. Матросы зримым криком декламируют воззвания, не утомляя слуха, услаждая комическим зрением. Стук в дверь, как бой часов, — и вот корабль стал кроватью,

Фото Виктора БАЖЕНОВА

СОН В ЗИМНИЙ ВЕЧЕР На Святках явился Полунин

темноте... Вот — шарик улетел. Клоун Слава плачет. Свистком грозно велит — нежно уговаривает беглеца вернуться, пузырится и кипит от гнева, свистит о своей тоске по нему. А шарик покачивается сзади, смеется толстым желтым боком, тонкой розовой ниткой. И лопается в руках хозяина — тот не выдержал испытания счастьем внезапного обладания.

Мимика поэтична. Ритм ее стиха таков, что каждый волен в интерпретации, а значит, в сотворчестве.

Скажите, имитация полужений? Нет, очищение их.

Жаль, что сурдопереводчицы новостных телепрограмм жестикулируют только руками. Выключить звук, посадить на место брутальных ведущих

мачта — метлой, парус — штопором в чайках. Стук — всегда страх. Кто там? Зачем? Тихо, на пальцах, дверь — и-и-и-и, а за дверью — хрусты! — девушки-ка-букет в целлофане. Поставить в тапочки, положить, не развязывая, на кровать. Сестрядом на пол, охранять.

Говорят, в боксе один точный удар стоит четырех неточных. Мимы метят в сердце, их удар — движения, позы, неуловимо, как облака на небе, меняющие свой рисунок. Каждое движение Славы Полунина... точнее уже нельзя.

Жест, он ведь зависит от пространства, в котором эволюционируешь. Или деградируешь. Выбор-то небольшой.

Сердце изранено. Хорошо — бывает. И хорошо было, и не мне одной, а забитому до

отказа залу, который накрыли паутиной перед антрактом, и все задохнулись в этой стекловатной паутине от счастья, что их поймали, что они наконец кому-то нужны, и не ушли пить и курить, а ждали еще и антрактового настоящего счастья за свои деньги. И в награду за ожидание пошел совсем густой снег. Дети от 10 до 65 умудрялись лепить из него снежки и обсыпать ими кого ни попадя. За беспричинное это счастье никого из них никто не накажет: оно бескорыстно было. И слезы не успевали высохнуть, и в улыбающийся до ушей рот текли соленые капли, и наоборот, и еще, и опять, и вновь...

Чудесное не противится реальному, а дополняет и изменяет его. Требуется забыть на время о своем критицизме и верить уморительным jazz, комическим фиаскам и иллюзионизму феерических декораций, утонув в мистерино-карнавальном чередовании Ада и Рая. А у Полунина к этому есть еще и Душа.

Увидев жизнь своей души в мимических движениях клоунских тел, тысячная доля электратора объявила о своем выборе получасовой овацией, даже не зная имен: Роберт Саралпов, Онофрио Колуччи, Станислав Варки, Иван Волков, Андрей Гавриленко, Иван Полунин, Слава Полунин, семь лет спустя вернувшийся в Россию с одним спектаклем.

А пока он улетел. Обратно в Лондон. Но обещал вернуться. В мае, с большими долгими гастролями, уже не с «одним чемоладом» грустного и прекрасного «Snow — show»/«Шоу снов», а с двумя — нас ждет и шоу «Diabolo».